

DOI: 10.31857/S0130386425010118

© 2025 г. Г.Ф. МАТВЕЕВ, Е.Ю. МАТВЕЕВА

РЕГЕНТСКАЯ ПОЛЬША НА ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ (февраль – октябрь 1918 года)

Матвеев Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: gmatveev@yandex.ru

Scopus Author ID: 571919603064; ORCID: 0000-0002-2320-3068; Researcher ID: AAG-6479-2021

Матвеева Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: len.mat2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6716-3697

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 24-18-00461.

Аннотация. Признание 9 февраля 1918 г. центральными державами на мирной конференции в Брест-Литовске за Украинской Народной Республикой права на Холмщину, выделенную российскими властями в 1915 г. из состава Царства Польского, вызвало резкий протест в польских землях. В знак несогласия с этим решением в отставку ушло правительство Польского королевства, созданного Германией и Австро-Венгрией в ноябре 1916 г. Сторонники решения польского вопроса с опорой на центральные империи («активисты»), задававшие до этого тон в новом государстве, потерпели в глазах общества болезненное поражение. И хотя следующее правительство тоже было сформировано из «активистов», с этого момента на первый план в развитии королевства начинает выдвигаться регентский совет, сформированный 27 октября 1917 г. в составе президента Варшавы князя З. Любомирского, митрополита Варшавского, архиепископа А. Каковского и одного из создателей партии реальной политики, члена Государственного совета Российской империи, графа, крупного землевладельца Ю. Островского. Все они до октября 1917 г. не шли на политическое сотрудничество с австрийцами и немцами, но при этом не примыкали и к противникам такого сотрудничества. В статье, написанной на основании опубликованных документов, мемуаров и литературы, рассматривается процесс постепенного выведения Польского королевства из-под полного контроля оккупационных властей, завершившийся провозглашением регентским советом 7 октября 1918 г. независимости и объединения всех польских земель в составе единого польского государства, распуском Государственного совета. Регенты также обнародовали план конституирования суверенного государства, наделили себя правом издавать декреты, имеющие силу законов, приступили к формированию регулярной национальной армии на основе воинской повинности.

Ключевые слова: Первая мировая война, центральные державы, Польша, польский вопрос, образование государства, национально-государственное строительство, высшие органы государственной власти и управления.

G.F. Matveev, E.Yu. Matveeva

The Regency Kingdom of Poland on the Way to Independence, February – October 1918

Gennadij Matveev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: gfmatveev@yandex.ru

Scopus Author ID: 571919603064; ORCID: 0000-0002-2320-3068; Researcher ID: AAG-6479-2021

Elena Matveeva, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: len.mat2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6716-3697

The study was carried out with the financial support of RGNF № 24-18-00461.

Abstract. The Central Powers' recognition of the Ukrainian People's Republic's right to Chełm Land (Kholmshchyna) on 9 February 1918 prompted a vehement protest in the Polish lands. The government of the Kingdom of Poland, created by Germany and Austria-Hungary in November 1916, resigned. The proponents of a resolution to the Polish question, in collaboration with the central empires ("activists"), who had heretofore determined the tenor in the Kingdom of Poland, endured a significant setback in the public's perception. Consequently, the Regency Council, established on October 27, 1917, and comprising three prominent public figures – Cardinal Aleksander Kakowski, Archbishop of Warsaw; Prince Zdzisław Lubomirski, President of Warsaw; and Count Józef Ostrowski, a member of the State Council of the Russian Empire, a prominent landowner – emerged as a pivotal entity in the development of the Kingdom of Poland. Until October 1917, the Council refrained from seeking political cooperation with either the Austrians or the Germans. The authors examine the process leading to the Kingdom of Poland's gradual transition from the direct oversight of the occupation authorities, culminating in the proclamation of independence and the unification of all Polish territories into a single state under the Regency Council on 7 October 1918. Furthermore, the study explores the initiation of practical measures that led to this pivotal shift in the political landscape.

Keywords: Great War, Central Powers, Poland, Polish question, state formation, nation-state building, supreme bodies of state power and administration.

Как правило, народы, обретшие независимость в XX–XXI вв., ведут ее исчисление от конкретного события или акта, связанного с их историей. Эта дата могла меняться в результате важных политических перемен в жизни государств, но каждый раз при ее выборе законодатели обращались к значимым для них событиям национальной истории. Но, как известно, правил без исключений не бывает. Таким исключением является Польша. Почти 19 лет у Второй Речи Посполитой не было установленного дня независимости, и все это время шла общественная дискуссия о том, какое же событие в современной истории Польши следует считать судьбоносным. И только 23 апреля 1937 г. вступил в силу принятый сеймом закон, устанавливавший 11 ноября¹ днем его празднования. Странность выбора в том, что в календаре событий, случившихся в Польше в этот день, ни одного значимого нет. Единственное действительно важное событие этого дня относится не столько к польской, сколько к всемирной истории – это подписание Компьенского перемирия. Но в его тексте вопросы будущего территориального устройства Европы и мира отсутствуют. Не вносит ясности в этот вопрос и сам текст закона: «День 11 ноября как годовщина восстановления Польским Народом независимой государственной жизни и как день, навечно связанный

¹ 22 июля 1945 г. эта дата была отменена, в 1989 г. вновь восстановлена.

с великим именем Юзефа Пилсудского, победоносного Вождя Народа в борьбе за свободу Отчизны – является торжественным днем независимости»².

Но вполне допустим вопрос, не было ли во время Первой мировой войны каких-либо актов польских политиков, провозглашавших создание Польского государства? Причем исходящих именно от поляков, а не кого-то иного. Поэтому сразу отбросим обращение русского главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 13 августа 1914 г. к полякам, обещавшее создание после победы «целокупной» автономной Польши. Отбросим и провозглашение 5 ноября 1916 г. германским и австро-венгерским генерал-губернаторами оккупированного Царства Польского самостоятельного Польского королевства на этой территории. Совсем иное дело, если говорить об обращении регентского совета (РС) Польского королевства к польскому народу от 7 октября 1918 г., в котором провозглашалась независимость Польши. Важно и то, что этот акт уже в момент его оглашения сопровождался практическими шагами по созданию институтов польской государственной власти, хотя ни одно это событие нельзя датировать именно 11 ноября.

История регентского совета Польского королевства, который в сентябре 1917 г. составили три консервативных политика, до этого избегавшие тесного политического сотрудничества с оккупационной администрацией центральных держав, как это делали так называемые активисты, но при этом не отказывавшиеся от взаимодействия в решении вопросов повседневной жизни своих сограждан, никогда не пользовалась пристальным вниманием отечественных полонистов. Да и в польской историографии она исследована недостаточно обстоятельно и не всегда беспристрастно. В отличие, например, от истории составленного из активистов Временного государственного совета (ВГС), первого официального органа Польского королевства, существовавшего с января по август 1917 г.

Принятое в августе 1917 г. активистским ВГС решение о прекращении своей деятельности не означало отказа активистов от идеи строительства Польского королевства с опорой на центральные державы. Они просто отступили в тень и вывели на политическую авансцену трех консервативных политиков: президента Варшавы князя З. Любомирского, одного из создателей партии реальной политики князя Ю. Островского и митрополита Варшавского, архиепископа А. Каковского. Все трое до сентября 1917 г. не демонстрировали желания и готовности сотрудничать с оккупантами и ВГС. Хотя формально регентский совет был коллективным главой государства с определенными полномочиями, но пользоваться ими без контратсигнации президента правительства (т. е. премьер-министра) он не мог. Сентябрьский 1917 г. патент императоров Вильгельма II и Карла I о создании РС оставил в руках польского правительства управление теми областями общественной жизни, которые оккупанты уступили полякам (образование, судопроизводство). Первое правительство Польского королевства состояло из одних активистов. К ним относился и первый премьер, Я. Кухажевский, известный российскому читателю как автор многотомного труда «От белого до красного царизма», переведенного на русский язык³.

Такое положение на властном Олимпе Польского королевства сохранялось до подписания Четверным союзом мирного договора с Украинской Народной Республикой (УНР) в Брест-Литовске 9 февраля 1918 г., признавшего право украинцев на обладание Холмской губернией, в 1915 г. переданной российскими властями из состава Царства Польского в Западный край империи и некоторыми другими территориями, которые поляки считали своими. Волна протестов охватила не только Польское королевство, но и австро-венгерскую Галицию, кабинет Я. Кухажевского подал 11 февраля 1918 г. в отставку. Возмущение поляков очередным переделом их земель было столь сильным, что центральные державы отказались от своего решения⁴.

² Ustawa z dnia 23 kwietnia 1937 r. o Święcie Niepodległości // URL: <https://web.archive.org/web/20210227080959/http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19370330255> (дата обращения: 03.09.2024).

³ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 1–7. М., 2015–2022.

⁴ Hupka J. Z czasów Wielkiej Wojny. Pamiętnik niekombatanta. Niwiska, 1936. S. 342–343.

В числе мотивов отставки, названных правительством Кухажевского в обращении к РС, формально основным был протест «против унижения, нанесенного польскому правительству, которое было лишено возможности участия в защите интересов Польши при заключении трактата»⁵. Главная причина заключалась скорее в ином, активисты поняли, что Берлин больше не интересует проект Польского королевства как форпоста против России⁶. После выхода России из войны (напомним, что в Брест-Литовске параллельно велись мирные переговоры с РСФСР) возникли уникальные возможности для реализации идеи Срединной Европы. В пользу этого говорят признание УНР, провозглашение 8 марта независимости от России Герцогства Курляндского и Семигальского в Латвии, 23 марта 1918 г.–Литвы, 25 марта 1918 г.–Белорусской Народной Республики. Все эти новообразованные государственные образования выбирали в качестве союзника и покровителя Германию, становясь ее «санитарным кордоном» от России. В связи с этим Польское королевство теряло то стратегическое значение, которое в 1916 г. ему придавали немцы и австрийцы, к тому же расчеты на массовый приток добровольцев в *Polnische Wermacht*, формируемый с января 1917 г. Варшавским генерал-губернатором Г. фон Безлером, не подтвердились, да он становился не очень-то и нужным после остановки боевых действий на Восточном фронте.

Это было тяжелейшее поражение прогермански и проавстрийски настроенных активистов и триумф проантоновских национальных демократов⁷, после которого активистам ничего не оставалось, как передавать инициативу регентам, не демонстрировавшим чрезмерной ориентации на центральные империи. В пользу такого хода мыслей активистов свидетельствует заключительная часть заявления правительства об отставке: «Сегодня наступил самый что ни на есть подходящий момент для того, чтобы польское общество под влиянием полученного удара еще теснее сплотилось и объединилось вокруг верховной национальной власти. Эта власть, опираясь на широкие слои народа, укажет тот путь, по которому народу следует идти дальше, а также выберет для помощи в деле дальнейшего руководства судьбами Отчизны людей, которые смогут рассчитывать на самую широкую всеобщую поддержку. Кабинет министров, оставляя пост, слагает свою власть и полномочия в руки Наидостойнейшего регентского совета»⁸. Иначе говоря, активисты снимали с себя и перекладывали на регентов всю полноту ответственности за дальнейшие судьбы польской государственности.

⁵ Kumaniecki K.W. *Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty. 1912 – styczeń 1924*. Warszawa; Kraków, 1924. S. 112. Формально у польского правительства не было юридических оснований для протesta, поскольку, согласно сентябрьскому патенту 1917 г., Польское королевство не имело права ведения внешнеполитической деятельности.

⁶ Польские исследователи иначе трактуют смысл мирного договора с УНР от 9 февраля, считают его делом германской дипломатии, которая таким образом похоронила австро-польский проект и обеспечила Германии монополию на выгодное для нее решение польского вопроса. Krzemieński T. Działalność polityczna księcia Zdzisława Lubomirskiego w okresie istnienia Rady Regencyjnej w świetle źródeł pamiętnikarskich // Czasy Nowożytnie. Periodyk poświęcony dziejom polskim i europejskim od XV do XX wieku. 2003. T. 14. S. 80–81.

⁷ 12 февраля 1918 г. галицийский консервативный политик, член краковского Главного национального комитета Я. Хупка, активно сотрудничавший с варшавскими активистами, записал в дневнике: «Газеты принесли страшную, гнетущую новость. Обнародован текст мирного трактата с Украиной. Без поляков, не допущенных в Брест даже с совещательным голосом, определены западные границы Украины таким образом, что они отрезают от Королевства и настолько чисто польские поветы, что даже царская Россия не пробовала включить их в Холмщину – Замосыць, Шчебежшин, Красныстав и т.д. … последствия будут переломными. Возмущение и озлобление охватывает, как вихрь, весь польский народ. Не будет уже различных мнений, не будет различных ориентаций. Все поляки без исключения перейдут в антантовский лагерь… Польское коло в Вене перейдет к самой решительной оппозиции – уже не против правительства, а против Австрии и династии. В этой борьбе на первые позиции выдвинутся эндеки. А поскольку они самые крикливые, создастся впечатление, что это они руководят и ведут. Вся наша четырехлетняя работа, вся политика ГНК и легионов сразу же идет наスマрку». Того же мнения придерживался председатель ГНК В. Яворский. См.: *Hupka J.* Op. cit. S. 342–343.

⁸ Kumaniecki K.W. Op. cit. S. 112.

У регентов было два пути. Первый – вслед за правительством сложить свои полномочия и с большой вероятностью столкнуться с отказом от уступок, полученных поляками от центральных империй с августа 1915 г. Второй – остаться на посту и продолжить работу по укреплению основ полученной в 1916 г. государственности, но на иных, чем до этого, основаниях. Разрыв с центральными державами, армии которых успешно действовали в тот момент не только на западном, но и на итальянском фронтах, регенты отвергли как бесперспективный. Они выбрали второй путь, но при этом обставили свой выбор так, чтобы ни у кого не сложилось мнение, что они просто держатся за власть.

13 февраля 1918 г. они обратились к обществу со вторым посланием. Если в первом от 27 октября 1917 г. регенты определили источником своей власти акты императоров Вильгельма II и Карла I⁹, то второе послание начиналось с жесткой критики центральных держав за нарушение обещанных регентскому совету «дружбы, помощи и сотрудничества», отторжение в пользу Украины территории с преобладанием польского и католического населения, за то, что в отношении Польши были попраны «принципы свободы и самоопределения народов, право решать свою судьбу, так часто и так торжественно провозглашавшиеся немецкими и австрийскими дипломатами». В связи с этим регенты констатировали, что договор с Украиной лишил монаршие акты их значения, из-за чего независимость Польши и ее государственное существование, ее политическая и хозяйственная жизнеспособность превратились в пустые слова, что они не забыли о принесенной ими присяге стоять на страже счастья, свободы и силы Польши, поэтому они протестуют перед всем миром против нового раздела Польши и отказываются признавать этот акт насилия.

Но особенно сильно прозвучала заключительная часть послания: «Еще раз подчеркивая нарушение духа и внутреннего содержания изданных монарших актов, мы будем черпать право на верховную государственную власть, опираясь на волю народа, веря, что народ стремится обладать символом своей независимости и вокруг этого символа объединиться. На эту волю нации мы хотим опираться в своей миссии и наших усилиях; в нынешние времена сохраним все приобретенное: будем беречь наши суды, выносящие приговоры именем Короны польской, наши школы, возрождающиеся в польском духе, и если мы сегодня полностью и не осуществим стремлений нации, то передадим нашим преемникам наследство отцов, но не признаем уменьшения Родины»¹⁰. Аналогичные по содержанию письма были направлены ими в адрес императоров Вильгельма II и Карла I. Открытое несогласие регентов с отторжением Холмщины и отважное заявление императорам центральных держав, что теперь они считают источником своей власти волю народа, повысили их авторитет в обществе¹¹.

Таким образом, уже в феврале 1918 г. регентский совет не только не признал очередного раздела Польши, но и заявил о новом источнике своей власти – воле народа. Эти его публичные заявления, конечно же, не совпадали с прежним курсом развития Польского королевства, проводившимся активистами по согласованию с Берлином и Веной в 1916–1917 гг. Но не свидетельствовали и об их сближении с поборниками неучастия в строительстве государства в условиях оккупации (так называемыми пассивистами или нейтралистами). Регенты вообще не были сторонниками радикальных решений, пока для этого не созрели условия. Показательно в этом отношении их обращение от 15 февраля 1918 г. к военнослужащим Польского вермахта и польского вспомогательного корпуса с напоминанием, что их патриотическим долгом в столь серьезный момент является сохранение твердости и спокойствия и что они «готовят для Польского государства кадры будущей единой и храброй польской армии»¹². Несомненно, это напоминание польским военнослужащим-доброволь-

⁹ Ibid. S. 90–91.

¹⁰ Ibid. S. 113.

¹¹ Krzemiński T. Op. cit. S. 82.

¹² Kumaniecki K.W. Op. cit. S. 115. Номер правительенного официоза *Monitor Polski* с текстом возвзания был конфискован оккупационными властями, возможно, потому, что там ничего не говорилось о братстве по оружию с армиями Четверного союза.

цам о том, что они должны стать кадрами для армии независимого польского государства, было сделано для того, чтобы удержать их от бунта. Правда, оно не возымело должного результата, воевавший на восточном фронте в составе армии Австро-Венгрии польский вспомогательный корпус все же вышел из-под подчинения и частично прорвался на русскую сторону. Руководствуясь стремлением иметь в своем распоряжении вооруженную силу, 15 марта 1918 г. РС заявил, что берет под свою опеку дислоцированный в Белоруссии 1-й польский корпус под командованием генерала Ю. Довбор-Мусницкого. Он был сформирован в составе русской армии в 1917 г. и после заключения мирного соглашения между РСФСР и Четвертым союзом изъявил намерение передислоцироваться на территорию Польского королевства.

В политической области главные усилия были сосредоточены на подготовке к выборам в Государственный совет Польского королевства (ГСПК). Соответствующий декрет регентский совет издал еще 6 февраля 1918 г. Численный состав ГСПК как временного парламента был определен в количестве 110 человек, половина из них избиралась городскими советами и повятовыми сеймиками, 43 назначались РС. 12 членов входили по должностям: 6 высших иерархов католической и 2 протестантских церквей, главный раввин Варшавы, ректоры открытых в 1915 г. в столице польских университета и политехнического института, председатель Верховного суда.

Сформированное 4 апреля 1918 г. второе правительство Польского королевства возглавил австрийский подданный Я. К. Стечковский, занимавший в кабинете Кухажевского пост министра финансов. И оно тоже состояло в основном из активистов. Регенты еще не решались формировать правительство без оглядки на оккупационную администрацию и мнение Берлина и Вены. В своей декларации от 5 апреля 1918 г. правительство так определило главную задачу своей деятельности: «Развитие международных отношений, и прежде всего отношений с соседними государствами, возникающими на бывших территориях Российской империи, принуждают нас к быстрому – в полном согласии с центральными государствами – определению политico-правовых форм нашего государства и определению его позиции»¹³. За столь неконкретной формулировкой скрывалось намерение решить спор с УНР о государственной принадлежности Холмщины. Помимо проведения 9 апреля 1917 г. выборов в Государственный совет, правительство обещало заниматься организацией армии и прочих органов государственной власти. В целом правительство Стечковского в своей деятельности намеревалось руководствоваться январскими 1917 г. установками Кухажевского о первоочередности создания армии¹⁴, т.е. продолжать политику предшествующего правительства.

Выборы в Госсовет 9 апреля 1918 г., как и ожидалось, больше всего мандатов принесли национальным демократам¹⁵, т.е. пассивистам. Поэтому надеяться на особую активность этого органа в разработке проекта конституции Польского королевства вряд ли имело смысла. Правда, Госсовет мог сыграть важную роль в момент окончания войны. Не могло быть ни малейших сомнений в том, что немалая часть его членов будет поддерживать претензии на власть национальных демократов, не запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами. Регенты же, позиционировавшие себя представителями интересов и воли всего общества, были против концентрации власти в руках только одной политической силы. Тем более национальных демократов, зарекомендовавших себя накануне войны решительными противниками всяких левых сил, в связи с чем легко могли спровоцировать глубокий социальный конфликт. На фоне разгоравшейся в России гражданской войны такая перспектива регентов пугала.

¹³ Цит. по: Goclon J. Gabinety Królestwa Polskiego 1917–1918. Skład, funkcjonowanie i działalność // Krakowskie studia z historii państwa i prawa. 2013. № 6 (2). S. 164.

¹⁴ Pajewski J. Odbudowa państwości polskiej 1914–1918. Poznań, 2005. S. 191.

¹⁵ Hupka J. Op. cit. S. 353.

Обеспокоенное слухами о намерении центральных держав вплотную заняться вопросом границ Польского королевства, остававшимся нерешенным с ноября 1916 г., и скорректировать их в свою пользу, правительство Стечковского направило 29 апреля 1918 г. ноту в их адрес. В ней оно попросило Берлин и Вену безотлагательно начать переговоры об окончательном решении польского вопроса в политическом, военном и экономическом отношении. Предметом переговоров должны были стать заключение союза и военной конвенции, признание независимости и территориальной целостности Польского королевства, урегулирование границы с Украиной, территориальная компенсация к востоку от линии рек Нарев – Бубр – Неман за отторгнутые Германией четыре северных повета Сувалкской губернии, подписание торгового договора, который обеспечивал бы беспрепятственный доступ к морю и свободу судоходства по Висле. Нота, в отличие от второго послания РС от 13 февраля, завершалась заверениями в верности правительства Польского королевства центральным державам: «Польское правительство позволяет себе выразить убеждение, что польское государство, опирающееся на центральные державы и удовлетворенное в своих наиболее жизненных интересах, всегда было бы наилучшим защитником Центральной Европы от Востока и сделало бы так называемое урегулирование границ в политическом и военном отношении абсолютно излишним»¹⁶. По сути, это была попытка заставить центральные державы в их собственных интересах продолжить строительство самостоятельного Польского королевства. Как и следовало ожидать, ответа на эту ноту не последовало. Куманецкий объясняет это молчание вновь обострившимися разногласиями между Берлином и Веной по поводу решения польского вопроса, но при этом некорректно ссылается на речь германского госсекретаря П. фон Хинце от 24 сентября, когда в ходе войны перешел коренной перелом¹⁷.

Определенным достижением регентского совета на пути к большей независимости Польского королевства можно считать приезд в Варшаву 29 мая 1918 г. апостольского визитатора прелата А. Ратти (будущего папы римского Пия XI). Хотя у него была сугубо церковная миссия, но сам факт назначения в польские земли первого за 121 год представителя Ватикана работал на авторитет регентов¹⁸, воспринимался как фактическое признание католической церковью возрождающейся Польши.

3 июня 1918 г. произошло важное событие: премьер-министры Франции, Великобритании и Италии на встрече в Версале приняли декларацию о «создании объединенной и независимой Польши с доступом к морю как одном из условий прочного и справедливого мира и восстановления права в Европе» и заявили о присоединении США к этой идеи¹⁹. Версальская декларация Антанты была принята в момент, когда инициативой на фронтах владели центральные державы. Правительство Стечковского отреагировало на этот акт достаточно двусмысленно, начав свое заявление со сравнения текущей ситуации с концом лета – осенью 1915 г., когда после ухода из Царства Польского русской армии царское правительство «решило заняться осуществлением одного из тех самых прав, о котором мы сто лет безуспешно напоминали». Вывод из этого пассажа делался однозначный: «Момент ее принятия, а не содержание, определяет ее подлинный характер». Поэтому правительство Польского королевства, «не обращая внимания на все препятствия и трудности, будет стремиться к удовлетворению всех нужд народа, которые ему во взаимодействии с соседними центральными державами позволят решить историческую задачу, ожидающую

¹⁶ Kumaniecki K.W. Op. cit. S. 117.

¹⁷ Ibid. S. 118.

¹⁸ Wilk S. Sprawa nominacji i przybycia do Warszawy wizytatora apostolskiego w 1918 r. // Seminare. Poszukiwania naukowo-pastoralne. 1994. T. 10. S. 221.

¹⁹ Kumaniecki K.W. Op. cit. S. 118.

его на востоке Европы»²⁰. Трудно было ждать от правительства активистов иной реакции на версальскую декларацию Антанты.

Но уже 27 июля 1918 г. началось отступление германской армии на Западном фронте, а вместе с ним таяли надежды активистов на решение польского вопроса во взаимодействии с центральными империями в духе акта от 5 ноября 1916 г. Спустя семь дней после обращения Австро-Венгрии ко всем воюющим державам с предложением приступить к консультациям об условиях будущего мирного договора Стечковский 22 сентября 1918 г. подал в отставку. Фактически на этом кончился этап активистских премьеров, назначаемых с согласия оккупантов, хотя следующий премьер формально еще проходил эту процедуру.

Кардинальное изменение ситуации на фронтах в пользу Антанты после выхода Болгарии из войны 29 сентября 1918 г. и обрушения Салоникского фронта заставило страны Четверного союза обратиться 4 октября 1918 г. к президенту США В. Вильсону с просьбой начать мирные переговоры на основе его программы мира (14 пунктов) от 12 января 1918 г. Телеграф сообщил об этом в тот же день, в польской прессе известие об этом появилось 5 октября²¹. Тем самым возник подходящий момент для решительных действий регентского совета, поскольку 13 пункт вильсоновского мирного плана прямо говорил о необходимости создания независимого польского государства с доступом к морю. 4 октября 1918 г. регенты, отвечая на письмо германского генерал-губернатора Г. фон Безелера от 28 сентября 1918 г. о некотором расширении полномочий правительства Польского королевства в административной области, отвергли их как недостаточные и потребовали максимально возможных уступок. Они также предупредили, что если генерал-губернатор будет настаивать на своих предложениях, то «это повлечет за собой нежелательные последствия в дальнейшем развитии отношений между польским государством и германским рейхом». В ответе от 7 октября Безелер фактически капитулировал и попросил регентский совет поручить польскому правительству представить как можно более точные предложения о размерах и сроках передачи желательных для него административных вопросов²².

Это можно было понимать и так, что Германия больше не имеет каких-то далекоидущих планов в отношении Польского королевства, она лишь заинтересована в сохранении там внутреннего спокойствия, необходимого ей для поддержания устойчивой связи со своими войсками в Белоруссии и на Украине. Поняв это, регенты сделали самый решительный в истории Польского королевства шаг к полному решению польского вопроса. 7 октября в официальном *Dziennikie praw Królestwa Polskiego* («Дневнике законов Польского королевства») было напечатано возвзание «Регентский совет к польскому народу». В нем регенты объявили, что приближается мир, а вместе с ним и исполнение извечного стремления польского народа к полной независимости, что «в этот час воля польского народа ясная, твердая и единодушная». За этой торжественной преамбулой следовал очень важный и так непохожий на прошлые сдержаные политические заявления регентов пассаж: «Чувствуя эту волю и на ней базируя это возвзание (прямая отсылка регентов к их посланию от 13 февраля. – *Авт.*), мы становимся на платформу общих принципов мира, провозглашаемых президентом Соединенных Штатов и сейчас признанных всем миром основой устройства нового сожительства народов (а это отсылка к международно-правовой основе их действий. – *Авт.*).».

²⁰ Ibid. S. 118–119. Следует сказать, что регенты, по крайней мере А. Каковский, который в тот день опоздал на заседание правительства, посоветовали скорректировать текст заявления, сначала поблагодарить страны Антанты за интерес к польскому вопросу, а затем заверить в том, что правительство последовательно занимается вопросом внутреннего развития польской государственности. Стечковский пообещал внести изменения в заявление правительства, но так этого и не сделал, оставил текст без изменений. См.: *Malej W. Kardynał Aleksander Kakowski w świetle własnych wspomnień // Nasza przeszłość. Studia z dziejów kościoła i kultury katolickiej w Polsce*. T. VIII. Kraków, 1958. S. 258–391.

²¹ *Kumaniecki K.W.* Op. cit. S. 120.

²² Ibid. S. 128.

Применительно к Польше эти принципы ведут к созданию независимого государства, охватывающего все польские земли, с доступом к морю, политически и экономически независимого, что будет гарантировано международными трактатами». Фактически и формально это были провозглашение регентским советом независимости Польши в составе всех трех ее разделенных частей и полный разрыв с политикой активизма.

О последнем прямо говорит сформулированная регентами программа строительства независимого государства. Программу предваряло обращение к польскому народу сплотиться и отдать все силы тому, чтобы его воля была понята и признана всем миром. В связи с этим регентский совет постановлял: 1) распустить Государственный совет (видимо, поскольку он не был избран на демократической основе); 2) сформировать правительство, состоящее «из представителей самых широких слоев народа и политических направлений»; 3) возложить на него обязанность совместно с представителями политических групп безотлагательно разработать демократический избирательный закон в сейм и не позже чем через месяц представить его на утверждение регентскому совету; 4) после этого незамедлительно созвать сейм, который сформирует верховные органы государственной власти. Им РС и передаст свою власть. Такова была намеченная регентами программа движения к независимости, рассчитанная на несколько ближайших месяцев. Прокламация завершалась призывом к прекращению всех внутренних распри: «Пусть замолчит все, что нас может разделять, и пусть зазвучит один громкий призыв: Объединенная Независимая Польша!»²³ Этот акт получил всеобщее признание, в том числе и политических сил, противостоявших широко понимаемому лагерю активистов. 13 октября 1918 г. в еженедельнике «Пяст», органе Польского стронництва людового в Галиции, была напечатана статья «Польша воскресла». Она начиналась следующей констатацией: «Наконец польский народ дождался исполнения своих мечтаний. 8 октября 1918 г. (так в тексте.— Авт.) регентский совет Польского королевства издал манифест к народу, в котором провозглашает независимое польское государство в составе всех польских земель с польским населением. И обещает созыв польского учредительного собрания в Варшаве, избранного на самых демократических основах. Одновременно в манифесте сообщалось, что Государственный совет, созданный немцами, распущен. Так, регентский совет ясно и недвусмысленно выразил всему миру волю всего польского народа, что Польша уже независима. Покончено со всеми немецкими попытками продолжать удерживать Польшу в неволе, покончено с актами 5 ноября и 12 сентября, якобы создававшими независимую Польшу, в состав которой должно было войти только урезанное Германией Царство Польское, потому что весь народ, стремящийся к объединению всех польских земель, стонущих под немецким кнутом, сам провозгласил устами своих представителей независимость и объединение. В день 8 октября 1918 г. Польское королевство, Галиция, Тешинская Силезия, Прусская Силезия и Познанщина были провозглашены польским государством, ни от кого не зависящим, абсолютно независимым»²⁴. Важно отметить и то, что в статье регентский совет практически очищался от позорного пятна детища оккупировавших Царство Польское центральных держав, таким образом объявлялся только ликвидируемый Госсовет. Поэтому отказ считать акт 7 октября 1918 г. провозглашением независимости Польши по причине того, что его автором являлся марионеточный орган, противоречит принципам историзма и объективности. В октябре 1918 г. с обретением независимости поздравил поляков и апостольский визитатор А. Ратти.

К. Куманецкий в комментариях к публикации возвзвания назвал этот акт РС государственным переворотом, поскольку регенты, распуская Госсовет, практически отказывались руководствоваться сентябрьским 1917 г. патентом императоров, на основании которого они и действовали. Но это был своеобразный переворот, ибо РС осуществил его, не покидая правового поля. Он не случайно подчеркнул, что действует в полном соответствии с волей

²³ Ibid. S. 123.

²⁴ Aleksander Kakowski. Posłaniec wolności. Zeszyt dokumentacyjny w opracowaniu Waldemara Krzyżewskiego. Warszawa, 2017. S. 121.

народа, которую регенты в послании к обществу от 13 февраля 1918 г. назвали единственным источником своей власти, а также с признанными большинством стран, в том числе и центральными державами, общими принципами мира, сформулированными В. Вильсоном в январе 1918 г. О законном характере обращения должны были свидетельствовать его контрасигнатура Ю. Кухажевским, получившим 2 октября официальный мандат на формирование правительства²⁵, а также публикация в «Дневнике законов Польского королевства»²⁶.

Проще всего было исполнить первый пункт программы, сложнее всего второй, ведь для этого следовало не только примирить активистов с пассивистами, правых с левыми, но и постоянно помнить о часто ничем не подкрепленных амбициях отдельных политиков. Несмотря на сложность этой задачи, регенты надеялись ее решить.

Первым проявлением курса на сплочение всех политических сил можно считать поездку директора государственного департамента РС князя Я. Радзивилла в Берлин с просьбой немедленно освободить интернированного в июле 1917 г. Ю. Пилсудского, что следует рассматривать как готовность к взаимодействию с левыми (но не революционными) силами, считавшими Ю. Пилсудского своим лидером. Приехавший в Галицию М. Куцель рассказывал Хупке, что в «Варшаве энтузиазм и склонность к объединению всех партий, не исключая социалистов, которые в распуске Госсовета, обещании учредительного собрания, избранного на основании пяти демократических принципов, и в требовании освобождения Пилсудского видят уступку их программе»²⁷.

У акта РС от 7 октября есть и еще один очень важный аспект: привлекая к процессу конституирования независимой Польши все политические группы, регенты тем самым демонстрировали свое намерение не допустить перехода всей полноты власти в стране в руки какой-то одной из них, прежде всего национальных демократов, на тот момент самой влиятельной политической силы. На это обратил внимание Я. Хупка, постоянно получавший информацию о происходящем в Варшаве. 9 октября 1918 г. он записал: «Этим смелым шагом Кухажевский²⁸ надеется создать единый польский фронт и обеспечить признание регентства как верховной власти всем народом. А также надеется с помощью этого шага помешать коалиции (Антанте. — Авт.) признать польским правительством Польский комитет в Париже»²⁹.

Распустив Государственный совет, регенты занялись формированием недостающих институтов польской государственности. В связи с распуском Государственного совета, РС решением от 15 октября наделил себя правом издавать имеющие силу закона распоряжения (т.е. декреты), ответственность за их исполнение была возложена на Совет министров³⁰.

²⁵ Это назначение вызывает много вопросов, ибо уже 9 октября Кухажевский отказался от мандата на формирование кабинета министров. Причины этого доподлинно неизвестны. Хупка, например, объясняет его предательством социалистов, не желающих входить в непопулярный активистский кабинет, анархизацией ситуации в стране рвущимися к власти революционными партиями, а также поисками Германии, якобы намеревавшейся дать своим полякам автономию, если в Польском королевстве начнется кровавая анархия, чтобы таким образом удержать польские провинции в своем составе. См.: *Hupka J.* Op. cit. S. 377–378. Но Хупка в тот момент находился в Галиции и не мог знать всех нюансов столь быстрого отказа Кухажевского от поста главы кабинета. Вполне можно предположить, что его назначение было «дженетльменским соглашением» между ним и регентами, чтобы придать законную силу акту 7 октября. Я. Хупка даже называл Кухажевского инициатором этого обращения. См.: *Ibid.* S. 376. А вот крупнейший знаток истории польского вопроса в годы Первой мировой войны Я. Паевский автором идеи считает сотрудников государственного департамента (правительственный орган, занимавшийся сношениями с другими странами), Кухажевский же только вычеркнул из готового текста слово «несомненно» во фразе о национальной принадлежности населения территорий, которые должны войти в состав независимой Польши. См.: *Pajewski J.* Op. cit. S. 242–243. Я. Гоцлон, занимавшийся изучением деятельности польских правительственных кабинетов в 1917–1918 гг., этим вопросом даже не задавался. См.: *Goclon J.* Op. cit. S. 169.

²⁶ *Kumaniecki K.W.* Op. cit. S. 124.

²⁷ *Hupka J.* Op. cit. S. 375.

²⁸ Хупка считал его инициатором провозглашения независимости.

²⁹ *Hupka J.* Op. cit. S. 376.

³⁰ *Kumaniecki K.W.* Op. cit. S. 123.

10 октября 1918 г. регентский совет поручил исполнявшему обязанности главы правительства Б. Броневскому немедленно приступить к принятию от оккупационных властей в свое ведение всех вопросов управления Польским королевством³¹. 12 октября РС обнародовал новый текст воинской присяги, теперь на верность Родине, польскому государству и регентскому совету и переподчинил себе Польский вермахт. Было установлено, что после принятия новой присяги военнослужащими польской армии все вопросы ее жизни, включая кадровые назначения офицеров, перейдут в ведение регентского совета³². De jure это было отстранение Безелера от командования Польским вермахтом. Стремясь создать прочную основу своей власти, РС издал приказ о переподчинении себе всех полков Польского вермахта и их передислокации в Варшаву. Хупка отметил еще один важный момент: РС не только призвал бывших офицеров легиона и корпуса Ю. Довбор-Мусницкого вернуться в армию Польского королевства, но и поручил В. Сикорскому организовать в Галиции пункты набора бывших легионеров в национальную гвардию³³. 23 октября Безелер сложил с себя обязанности командующего Польским вермахтом, теперь регентский совет формально и фактически имел подчинявшиеся ему вооруженные силы. Началось формирование органов военного командования. 25 октября была учреждена должность начальника штаба польских войск, на следующий день бывшая военная комиссия Временного госсовета была преобразована в министерство военных дел. 27 октября появились декреты о начале формирования регулярной национальной армии и введении всеобщей воинской повинности³⁴. 28 октября 1918 г. первым начальником Генерального штаба польских войск был назначен генерал-поручик австро-венгерской армии Т. Розвадовский. Рассматривалась возможность включения в состав формирующихся вооруженных сил польскоязычных частей австро-венгерской армии, но сделать это удалось только частично³⁵.

Государственный департамент правительства Польского королевства весть о провозглашении регентским советом довел до сведения президента Швейцарии, до посольств стран Антанты, США и Голландии в Берне, а его руководитель, князь Я. Радзивилл, даже предлагал преобразовать свои полуофициальные представительства в Берлине и Вене и представительства Германии и Австро-Венгрии при правительстве Польского королевства в официальные посольства, но не получил поддержки кабинета министров³⁶.

Таким образом, акт 7 октября 1918 г. имел все признаки исходного события в процессе формирования Второй Речи Посполитой. В тот понедельник регентский совет не только объявил о независимости всех польских земель, не только огласил план претворения в жизнь своей декларации, но и приступил к его практическому выполнению.

Почему же день 7 октября 1918 г. не стал датой, от которой ведется начало обретения Польшей национальной независимости? Чаще всего в литературе причиной называют то, что регентский совет был творением оккупантов³⁷, в связи с чем поляки не могут считать его акт от 7 октября этически безупречным. Но ведь в Польше в годы Первой мировой войны не было ни одной более или менее значимой политической силы, кроме революционной Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, которая не коллaborировала бы с Россией, Германией или Австро-Венгрией. Не был исключением и Пилсудский, до сих пор считающийся большинством поляков символом польской независимости. Возможно, поэтому польскими законодателями в 1937 г. была избрана дата без четкой привязки к истории собственно Польши, но косвенно увязанная с именем Пилсудского.

³¹ Ibid. S. 128.

³² Ibid. S. 123.

³³ Hupka J. Op. cit. S. 378–379.

³⁴ Kumaniecki K.W. Op. cit. S. 123–124.

³⁵ Smoliński A. Polskie formacje wojskowe okresu I wojny światowej i Wojsko Polskie z lat 1918–1939 – węzłowe problemy oraz stan badań i postulaty badawcze // Studia z dziejów wojskowości. 2017. T. VI. S. 191–192.

³⁶ Pajewski J. Op. cit. S. 242–243.

³⁷ См., например: Dzieje Polski. Warszawa, 1981. S. 620; Pajewski J. Op. cit. S. 246.

Библиография / References

- Kухаревский Я.* От белого до красного царизма. Т. 1–7. М., 2015–2022.
Kucharzewski J. Ot belogo do krasnogo tsarizma (From white to red tzarism). Т. 1–7. Moskva, 2015–2022.
- Aleksander Kakowski. Posłaniec wolności. Zeszyt dokumentacyjny w opracowaniu Waldemara Krzyżewskiego. Warszawa, 2017.
- Dzieje Polski. Warszawa, 1981.
- Gocłon J. Gabinety Królestwa Polskiego 1917–1918. Skład, funkcjonowanie i działalność // Krakowskie studia z historii państwa i prawa. 2013. № 6 (2). S. 149–178.
- Hupka J. Z czasów Wielkiej Wojny. Pamiętnik niekombata. Niwiska, 1936.
- Krzemiński T. Działalność polityczna księcia Zdzisława Lubomirskiego w okresie istnienia Rady Regencyjnej w świetle źródeł pamiętnikarskich // Czasy Nowożytnie. Periodyk poświęcony dziejom polskim i europejskim od XV do XX wieku. 2003. T. 14. S. 67–101.
- Kumaniecki K. W. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty. 1912 – styczeń 1924. Warszawa; Kraków, 1924.
- Malej W. Kardynał Aleksander Kakowski w świetle własnych wspomnień // Nasza przeszłość. Studia z dziejów kościoła i kultury katolickiej w Polsce. T. VIII. Kraków, 1958. S. 258–391.
- Pajewski J. Odbudowa państwości polskiej 1914–1918. Poznań, 2005.
- Smoliński A. Polskie formacje wojskowe okresu I wojny światowej i Wojsko Polskie z lat 1918–1939 – węzłowe problem oraz stan badań i postulaty badawcze // Studia z dziejów wojskowości. 2017. T. VI. S. 179–295.
- Ustawa z dnia 23 kwietnia 1937 r. o Święcie Niepodległości // URL: <https://web.archive.org/web/20210227080959/http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19370330255> (access date: 03.09.2024).
- Wilk S. Sprawa nominacji i przybycia do Warszawy wizytatora apostolskiego w 1918 r. // Seminare. Po- szukiwania naukowo-pastoralne. 1994. T. 10. S. 213–222.